

Это положение Канта, как и другие, развивающие идею о противоречивости социального прогресса, являются, на мой взгляд, преодолением указанной выше ограниченной идеологии Просвещения. Можно сказать даже больше: это и другие аналогичные положения Канта вносят существенные коррективы в его собственные этические и философско-исторические воззрения.

Подытоживая изложение, можно сказать, что Кант является и продолжателем и критиком идеологии Просвещения. Так же, как просветители, он видит призвание философии в том, чтобы учить человека тому, “каким надо быть, чтобы быть человеком” (2, 206). Однако, в отличие от просветителей, Кант свободен от догматического понимания разума и ограниченного понимания содержания Просвещения как распространения знаний. Философия истории Канта, в отличие от просветительской теории прогресса, придает первостепенное значение антагонистическим (по его собственному выражению) отношениям между людьми, диалектически осмысливая противоположность между добром и злом и намечая пути преодоления социального зла на путях развития и разрешения свойственных обществу противоречий.

---

¹ *Condorcet J. A. Oeuvres.* Paris, 1849. Т. IX. P. 252.

² “Die Aufklärung”. In ausgewählten Texten dargestellt und eingeleitet von G. Funke. Stuttgart, 1963. S. 16-17.

³ Юм Д. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 33.

⁴ *Proust J. L'Encyclopédie.* Paris, 1965. P. 168.

Л. Н. СТОЛОВИЧ

(Тартуский университет)

Кант и крушение тоталитарного мышления

Возрождение широкого интереса к философскому наследию Канта в бывшем Советском Союзе - непреложный факт. Если до Октябрьского переворота 1917 г., несмотря на то, что кантианство в России не пустило глубоких корней, вышло в русском переводе несколько произведений Канта, в том числе все три “Критики”¹, то в течение последующих десятилетий Кант в СССР почти не издавался. “Почти” - это II том (М., 1940) из так и не закон-

ценного двухтомного “Сочинения. 1747-1777 гг.” Статьи о трудах Канта были редкостью, и они носили нередко вульгарно-марксистский характер. И вот в 60-е годы начался кантовский бум. С 1963 по 1966 г. издается шеститомное собрание сочинений немецкого философа (4-й том состоял из двух полутомов). Лавинообразно растет библиография русской кантианы.

В 70-е годы интерес к Канту нарастает, стимулируемый 250-летием со дня рождения Канта². Свет увидели несколько книг, посвященных Канту (В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, И. С. Нарского, Ж. М. Абдильдина, Г. В. Тевзадзе, Л. А. Абрамяна и др.), в том числе содержательные сборники “Философия Канта и современность” (М., 1974), “Кант и кантианцы” (М., 1972). На родине Канта, переименованной в Калининград, возник исследовательский центр, регулярно организующий “Кантовские чтения” и издающий “Кантовские сборники”.

В 80-е годы в дополнение к ряду журнальных публикаций сочинений кёнигсбергского мыслителя выходят “Трактаты и письма” Канта (М., 1980), переводы трактатов Канта на литовский, латышский и эстонский языки. В Риге в связи с 200-летием издания “Критики чистого разума” в 1981 г. проходит представительный Международный философский симпозиум, а в 1984 г. выходит книга “Критика чистого разума” Канта и современность”. В 1983 г. Институт философии АН СССР к 200-летию “Критики чистого разума” выпускает сборник “Философия Канта. Современные исследования и дискуссии”. В Латвии, где печатались все кантовские “Критики”, проводятся конференции, посвященные 200-летию “Критики практического разума” и “Критики способности суждения”, и издаются книги “Этика Канта и современность” (Рига, 1989) и “Телеология и эстетика Иммануила Канта” (Рига, 1990).

Чем же вызван этот небывалый интерес к философии Канта? Несомненно, сама возможность издания произведений великого философа и исследований его творчества была обусловлена “оттепелью” середины 50-60-х годов. Кант был высочайше разрешен для издания и критического обсуждения как “основоположник немецкой классической философии, ставшей важнейшим теоретическим источником марксизма”. Само это разрешение выражало идеологическое послабление, вызванное критикой “культу личности”, крахом сталинской версии марксизма. Но вместе с

тем Кант допускался официально только в аспекте его марксистско-ленинского критического освещения. Показательно, что сборники "Современные зарубежные исследования философии Канта" (М., 1975) и "Философия Канта и современность. Сборник переводов" (Часть I, М., 1975; часть II, М., 1976) вышли мизерным тиражом с грифом "Для служебного пользования".

Но была и более существенная причина внимания советских философов к трудам Канта. Показательно, что, несмотря на идеологическую бдительность вышестоящих инстанций, снижается уровень "принудительного ассортимента" критичности по отношению к основателю критической философии³. Все в большей степени подчеркивается гуманистический смысл кантовской философии. Все более осознается антитоталитаристская направленность этой философии, возможность через ее объективное рассмотрение противостоять официальной идеологии, мнившей себя выше всех домарксистских мыслителей вместе взятых.

Антитоталитарные потенции философии Канта были отмечены еще зарубежными философами 30-х годов, непосредственно столкнувшимися с тоталитаризмом германского фашизма. Герберт Маркузе в статье "Борьба против либерализма в тоталитарном понимании государства" (Париж, 1934) противопоставляет экзистенциализму Хайдеггера, который выступил в 1933 г. с ректорской речью в национал-социалистическом духе, гуманизм Канта, его слова о священности "права человека"⁴. Карл Поппер считает врагом "открытого общества" не только Хайдеггера, но и Платона, и Гегеля, и Фихте, и Маркса. Кант же с его гуманизмом и "пылким либерализмом" в борьбе с "метафизической чепухой", будучи сторонником равенства и индивидуальности людей, противником национализма, рассматривается как великий мудрый мыслитель, защитник основ западной цивилизации и "открытого общества"⁵.

Что такое тоталитарное мышление? "За последние тридцать лет тоталитаризм перестал быть только феноменом социальной действительности или фактом политической идеологии, - отмечает Александр Пятигорский. - Почти невидимым образом, незаметно для тех, кто его скрывает, равно как и для тех, кто его разоблачает, он превратился в факт человеческого мышления: в феномен разума". По мнению А. Пятигорского, сам К. Поппер, обрушившийся на тоталитарную "концепцию историцизма", пред-

лагает схему философии науки, которая "безнадежно тоталитарна", ибо он ищет "врага *извне*". А с точки зрения автора статьи "Реакция философии на тоталитаризм", "тоталитаризм - при самом элементарном философском осознании - есть *принудительность моего мышления*", "*принудительность методологии*"⁶.

Не отрицая такого аспекта тоталитарного мышления, я полагаю, что тоталитаризм как феномен социальной действительности и факт политической идеологии далеко не изжит и оказывал сильнейшее воздействие на сознание на протяжении всей государственной человеческой истории, порождая и принудительность мышления. Тоталитарное мышление, порождаемое различными тоталитарными режимами или превосходящее их, характеризуется комплексом различных черт. Поскольку политический тоталитаризм - это вмешательство авторитарного государства во все сферы жизнедеятельности общества и личностей, тоталитарное мышление исходит из абсолютизации определенной социальной целостности, при которой личность низводится до положения "колесика и винтика" социального механизма. Сам этот механизм не безлик. Культ безличности предполагает культ личности вождя, фюрера, "Отца народов", "Старшего Брата" и т. п. Деспотическая власть подавляет свободу в различных ее проявлениях. Притом свобода вытравляется не только в реальности, но и в самосознании, которое строит диалектический софизм по типу надписи на "министерстве правды" в антиутопии Джорджа Оруэлла: "Свобода - это рабство".

В тоталитарном сознании мораль сводится к "социальной целесообразности". "Морально" то, что помогает строить... Что? Это зависит от природы данного тоталитарного строя: империю, социализм, национал-социализм и т. д. Такая "мораль" отрицает общечеловеческие ценности, она провозглашается классовой или расовой, т. к. само общество представляется как иерархия высших и низших социальных слоев или же этносов, а "ценности" этих слоев или этносов лежат в основе репрессивной и экспансионистской политики. При проведении этой политики "цель оправдывает средства", сколь бы гнусными они ни были.

Тоталитарное мышление по сущности своей догматично и авторитарно. Оно, как правильно заметил А. Пятигорский, принудительно. Притом принудительно не только *внешне* (меня заставляют думать определенным образом тем, что угрожают лишить

меня каких-то благ, работы, близких и даже самой жизни), но и *внутренне* (я становлюсь конформистом, сознательно подчиняюсь и присоединяюсь к мнению “большинства”, становлюсь сам своим “внутренним цензором”).

Ю. Бохеньский, считая тоталитаризм апологетикой тоталитарного строя, “где все без исключения подчинено контролю государства”, в то же время полагает, что “тоталитаризм - очевидный предрассудок, поскольку он не может быть полностью осуществлен”, хотя даже частичное его осуществление “неизменно приводит к самым серьезным бедам”⁷. Тоталитарное мышление не всегда бывает всеохватным. Оно может существовать как тенденция в большей или меньшей степени в том или другом миропонимании. И вряд ли справедливо считать целиком тоталитарной философию Платона или Гегеля, даже Маркса, в учении которого “тоталитарный марксизм” (Н. Бердяев) соседствует с гуманистическими традициями⁸. Однако, что касается сталинской версии марксизма или “майнкампфской” идеологии - то это, несомненно, стопроцентный “раствор” тоталитаризма. С другой стороны, философия Канта, безусловно, противостоит тоталитарному мышлению.

Философия Канта, сформировавшаяся в период кризиса европейского общества во второй половине XVIII столетия, учитывающая опыт, в том числе и отрицательный, Просвещения и Французской революции, неслучайно определяется как *критическая*. Она была направлена против догматизма, провозглашая необходимость самокритики разума, обретения “культуры разума” (3, 96). В “Критике чистого разума” прямо идет речь об отношении государства к философии и науке и осуждается правительственная поддержка определенных направлений (“школ”), которые в этой поддержке и обретают свою опору: “Если правительства считают полезным вмешиваться в деятельность ученых, то их мудрой заботливости о науке и обществе более соответствовало бы способствовать свободе такой критики, единственно благодаря которой можно поставить на прочную основу деятельность разума, а не поддерживать смехотворный деспотизм школ, которые громко кричат о нарушении общественной безопасности, когда кто-то разрывает их хитросплетения” (3, 98). Увы, правительства и правящие партии тоталитарных государств, несмотря на предупреждения Канта, предпочитали поддерживать “смехотвор-

ный деспотизм школ”, будь то лысенкоизм или расистская антропология, которые “громко кричат о нарушении общественной безопасности”, когда их хитросплетения разрывает генетика, кибернетика, “еврейская физика” или несанкционированная философия!

Антитоталитарность кантовской философии, невзирая на порой тяжеловесное изложение и жесткость логических конструкций, проявляется в том, что она не подавляет, а стимулирует мысль своего читателя. По точному наблюдению М. К. Мамардашвили, “с Кантом приятно иметь дело” потому, что это философ, который мыслил “с ответом незнаемого на известное”. “Он как бы знает, предполагает известное и внутри известного формулирует то, что он может сформулировать, т. е. формулирует всегда с учетом ореола вот этого известного, оставляя тем самым место и нашим мыслям”⁹.

“Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству”, - формулирует Кант “практический императив” (4 (1), 270). Трудно себе представить большую противоположность тоталитарному отношению к личности, чем понимание человека “как цели самой по себе” (4 (1), 272), исключая отношение к нему “только как к средству”, понимание, при котором каждый человек является полномочным представителем всего человечества.

Проблема свободы - одна из центральных в философии Канта. В отличие от Спинозы, а в последствии и от Гегеля и марксизма, Кант не сводит свободу к необходимости. “Свободу должно предполагать как свойство воли всех разумных существ” (4 (1), 291). В ином случае “человек был бы марионеткой или автоматом Вокасона, сделанным и заведенным высшим мастером всех искусных произведений”, хотя бы и “мыслящим автоматом” (4 (1), 430).

Кант провозглашает принцип свободы также в связи с устройством государственной власти. В трактате “К вечному миру” он настаивает на том, что гражданское устройство в каждом государстве должно быть установлено прежде всего “согласно с принципами свободы членов общества” (6, 267). “Законосообразное принуждение” должно быть обосновано “исключительно по принципам свободы, благодаря которым только и возможно устойчивое в правовом отношении государственное устройство” (6,

294). Мир, по Канту, может быть обеспечен на основе такого международного права, которое “должно быть основано на *федерализме* свободных государств” (6, 271). И “этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение *свободы* государства для него самого и в то же время для других союзных государств” (6, 274).

Не теряют своей актуальности слова великого гуманиста: “Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти” (6, 302). Так же, как недопустимо насилие над волей другого человека, отвергается и деспотизм в любом виде, деспотизм, образно определенный Кантом как “кладбище свободы” (6, 287).

Антитоталитаристской является гуманистическая этика Канта, утверждающая самоцельность человеческой личности и общечеловеческую сущность нравственных норм. Признание морального закона “как высшего практического закона разумных существ” ограничивает их “практическую свободу”: “практическую свободу можно определить и как независимость воли от всякого другого закона, за исключением морального” (4 (1), 422). Однако “свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, - это одно и то же”, (4 (1), 290), ибо нравственный закон - закон человека, поскольку он представляет собой человечество. “Моральный закон *свят* (ненарушим), - отмечается в “Критике практического разума”. - Человек, правда, не так уж свят, но *человечество* в его лице должно быть для него святым” (4 (1), 414).

Примат общечеловеческого в морали определяет ее отношение к политике. Кант различает “эмпирическую политику”, которая может быть и аморальной, и “истинную политику”. Последняя “не может сделать шага, заранее не отдав должного морали, и хотя политика сама по себе трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре” (6, 302). При этом Кант считает правомерным и желательным деятельность “*морального политика*, т. е. такого, который устанавливает принципы политики, совмещающиеся с моралью” и отвергает “*политического моралиста*, который приспособливает мораль к интересам государственного мужа” (6, 292). Положение: “Честность лучше всякой политики” - как “непре-

менное условие политики” он предпочитает положению: “Честность - лучшая политика” (6, 290).

Нет ничего удивительного в том, что ведущий идеолог национал-социализма Альфред Розенберг считал неверной постановку Кантом вопроса о соотношении политики и права, силы и морали, ибо для автора “Мифа XX века” “право” - это “наше право”¹⁰. Представляет интерес вообще отношение фашистской идеологии к Канту. Если она пыталась приспособить к себе национализм Фихте и апологию государства Гегеля, учение Ницше о сверхчеловеке, то с Кантом дело обстояло сложнее. Его антитоталитаризм и гуманизм явно не поддавался национал-социалистической интерпретации. Пришлось создавать миф о Канте - еще один “миф XX века”. Кант был поставлен в один ряд с великими выразителями “германского духа”: Лютером, Фихте, Дюрером, Гёте, Шиллером, Бахом, Бетховеном, Моцартом, Фридрихом II, Бисмарком и Гитлером¹¹. Розенберг пытался представить философское учение Канта как выражение “нордическо-немецкого” духа. Даже в учении Канта о прекрасном “всеобщезначимость” суждений вкуса трактовалась в качестве... следствия из “расово-народного идеала красоты”¹².

Все это никакого отношения не имеет к тому, о чем действительно учил великий немецкий мыслитель. Считая единой сущность различных людей, объединенных в человечестве, Кант, видя различия между разными народами, был чужд идеи расового или национального превосходства одного народа над другим, национальной кичливости и самохвальства. В трактате “К вечному миру”, иронизируя по поводу представлений государств о своем “величии”, Кант замечает: “величие народа - выражение нелепое” (6, 272). В “Антропологии с прагматической точки зрения”, называя французский и английский народы самыми *цивилованными* народами на земле, Кант делает такое примечание: “Само собой понятно, что при этой классификации нет речи о немецком народе, ибо это была бы похвала автору, который сам немец, т. е. это было бы самохвальством” (6, 563). Кант - сторонник свободного общения между народами, “права всемирного гражданства” и “всеобщего гостеприимства” (6, 276). Он выступал против государственной экспансии, захвата одним государством другого, за невмешательство государств в дела друг друга и тем самым против войн (см.: 6, 260).

На примере розенберговского мифа о Канте мы видели, как идеология тоталитарных режимов стремилась игнорировать антитоталитаризм философии Канта. Другим способом приглушения этого антитоталитаризма были усилия специалистов по критике “буржуазной философии” подчеркнуть исторически-социальную ограниченность Канта, абстрактность его гуманизма, формальность его этики, несбыточность идей о всеобщем мире в классовом обществе.

Однако именно антитоталитаризм Канта стимулировал свободу и критичность мышления в философии и науке, помогал утверждать принципы свободы, гуманизма и справедливости в трактовке этических, эстетических и правовых проблем, подводил к признанию приоритета общечеловеческих ценностей. Даже академическое изложение кантовского морального обоснования права в эпоху “развитого социализма” обладало взрывной силой, разрушавшей эту эпоху, несовместимой с “внутренней свободой” индивида, на которой настаивал Кант¹³. Такое же впечатление производили работы о Канте В. Ф. Асмуса, М. К. Мамардашвили и других исследователей. Можно смело сказать, что крушение тоталитарного мышления, которому содействовала философия Канта, было предпосылкой краха тоталитарного режима на “одной шестой” территории Земли.

Вместе с тем учение Канта и сейчас не теряет свою актуальность. Крах существовавших видов тоталитаризма не привел к повсеместному исчезновению всех проявлений тоталитарного мышления и, следовательно, опасности реставрации тоталитаризма. И Кант помогает нам осознать, что эта опасность уменьшается, если на смену деспотии приходит “правовое государство”, а не анархия, если рабство заменяется “разумной свободой”, а не “безрассудной”, “не основанной на законе” свободой дикарей (см. 6, 272), если догматизм устраняется не скептицизмом, а критически-конструктивным мышлением.

---

¹ См.: *Зверев В. М., Емельянов Б. В.* Русская кантиана 1800-1917 годов (архивные и библиографические разыскания) // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 4. Калининград, 1979. С. 144-163.

² См.: Библиографический указатель литературы о Канте, вышедшей на русском языке в 1974-1977 гг. // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 3. Калининград, 1978. С. 147-159.

³ Отношение к эстетике Канта см. в статье *Л. Н. Столовича* "Эстетика марксизма и эстетика Канта" (В кн.: "Критика чистого разума" Канта и современность. Рига, 1984. С. 235-245).

⁴ *Herbert Marcuse. Kultur und Gesellschaft. I. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1980. S. 54.*

⁵ См.: *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд "Культурная инициатива", 1992. Т. 1. С. 108, 140, 180, 307, 318, 412; Т. 2. С. 94, 359, 426, 490.

⁶ *Пятигорский А.* Реакция философии на тоталитаризм. Не-методологические заметки о возможности анархической философии // Независимая газета. 1994. 31 дек. С. 2. (Статья впервые была опубликована на французском языке в 1979 г.)

⁷ *Бохеньский Ю.* Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. М.: Издательская группа "Прогресс", 1993. С. 157.

⁸ Обоснование такой трактовки марксизма см. в главе "Проблема ценности и марксизм" в кн.: *Столович Л. Н.* Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 167-177.

⁹ *Мамардашвили М. К.* Кантианские вариации // Этика Канта и современность. Рига: Авотс, 1989. С. 198.

¹⁰ *Alfred Rosenberg. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München: 7. Auflage, 1942. S. 571, 572.*

¹¹ См.: *Die Bildenden Künste im Dritten Reich: Eine Dokumentation. Rowohlt, 1966. S. 182-183.*

¹² *Alfred Rosenberg. Op. cit. S. 131, 303.*

¹³ См.: *Философия Канта и современность. М.: Мысль, 1974. С. 184-235.* (Автор главы - Э. Ю. Соловьев.)

Г. А. ЗАИЧЕНКО

(Днепропетровский государственный химико-технологический университет)

**Парадоксы и антиномии свободы:
И. Кант, М. Фуко, Ж. Льютар**

Самоопределение философии как сознание ее структуры, функций, целей имеет не только более чем двухтысячелетний опыт, но и опыт второй половины XX века. И опыт этот убеждает в том,